

**«Благоприятные для глубоких и необратимых преобразований
исторические моменты возникают редко и длятся недолго»**

*Выступление на презентации доклада «1985-2015. Ценности перестройки в
контексте современной России»*

Современная история России началась 11 марта 1985 года, когда группа всевластных в СССР партийных иерархов, не представляя последствий своего решения, назначила на главный в стране пост Михаила Горбачева. Сейчас, когда от перестройки нас отделяет солидная историческая дистанция, а сама она в официозе подвергается забвению или поношению, важно понять, какие уроки она оставила нашему обществу и как ими следует распорядиться, если и когда вновь наступит время благотворных перемен. Ибо перестройка подвела итог большевистскому эксперименту, растянувшемуся почти на весь XX век, и более того - нарушила российскую историческую традицию подчинения общества государству. Она придала смысл жизни целым поколениям.

Прежде всего – о различной роли объективных предпосылок и субъективных факторов перестройки. Уже в 1950-60-х годах обозначились признаки, а в 1970-80-х - отчетливо проявился общий, системный кризис советского социалистического строя в СССР. Но исторический опыт свидетельствует: во-первых, гниение общества также и в условиях общего кризиса может продолжаться довольно долго (в наше время – десятки, а в прежние столетия – сотни лет); а во-вторых, выход из такого кризиса происходит по-разному, в том числе и неизмеримо более кровавым и разрушительным образом, чем тот, какой осуществился на наших глазах. Сделать это было тем труднее, что переход к более современным и гуманным общественным порядкам в СССР - в отличие, например, от послевоенной Германии и Японии - по понятным причинам не мог быть осуществлен (или хотя бы подстрахован) за счет внешнего фактора.

Перестройку нередко выводят из кризиса - как непосредственную на него реакцию. Думаю, что это упрощение, спрямление исторического процесса. Крупные события в нем не жестко детерминированы, а вероятностны. Выход из коммунизма вполне мог произойти позже и в

значительно более жестком варианте. В известном смысле приход Горбачева и инициированная им перестройка были подарком, которые преподнесла история нашей стране, - подарком пока недооцененным и даже, возможно, не вполне заслуженным.

Конечно, инициируя перестройку, предлагая и изменяя на уровне государственной политики решения, которые были призваны вывести страну из кризиса, Горбачев вначале не вполне представлял принципиальный характер и трудности преобразований, которые призваны были перевести государство и общество на иные рельсы, нежели те, по которым они катились три четверти века. Отсюда - некоторые ошибочные решения и замедленность в переходе к более решительным преобразованиям, о чем впоследствии сказал он сам. Полагаю, что переход к политической реформе, начнись он не в 1988 г., а раньше, когда рычаги колоссальной власти генерального секретаря не были разболтаны, сопротивление консервативной бюрократии, не сразу опомнившейся, - слабее, а экономическая ситуация не столь плачевна, довести преобразования до более высокой точки было бы легче. Но и до того был пройден очень важный участок пути, ибо Горбачев обладал редкостной для политиков его уровня способностью улавливать изменения в быстротекущей ситуации, извлекать уроки и меняться вместе с событиями. Как написал его биограф, он "разумом, инстинктом, интуицией, врожденным здравым смыслом угадывал (и предугадывал) направление хода истории, следовал ему и расчищал перед ней дорогу". И пока эти качества ему не изменяли, он способен был творить подлинные политические чудеса.

Я не верю в сверхъестественные силы, но как можно было ожидать, что заматеревшая и предельно отлаженная система даст сбой и передаст - пусть на исторически краткий миг - вышедшему из нее политику возможность заняться ее демонтажем? А дальше встает проблема выбора, не имеющая однозначного решения. В какой мере и каким образом для преодоления административной системы, пока это не могут сделать общественные силы, допустимо использование прогрессивным правителем доставшихся ему рычагов этой системы для преодоления сопротивления контрреформаторских сил, которые, естественно, тормозят и искажают замысел преобразований. И как быть с пробуждающимися в обществе запросами, удовлетворить которые ослабевшая власть не в состоянии по объективным обстоятельствам? Все это подводные камни, на которые

натыкалась перестройка уже на старте. Нечто подобное будет возникать в аналогичной ситуации.

В представленном докладе и выступлениях справедливо подчеркивалось: непреходящая историческая роль перестройки в том, что традиционной для России государственно-центричной модели, равно как и угрозе хаоса, она противопоставила политические преобразования, отвечающей системе определенных ценностей. Пресловутому классовому подходу, равно как и традиционным (существующим не только в России) представлениям о национальных интересах - приоритет общечеловеческих ценностей. Власть как самодовлеющей сакральной цели - власть как всего лишь инструмент, обеспечивающий условия развития общества. Приоритету государственных интересов - права и свободы человека.

Противопоставление ценностей интересам, конечно, условно. В жизни человеческих сообществ интересы (в их приземленном понимании), в том числе и расхожее понимание национальных интересов, не могут быть вытеснены или даже подчинены ценностям высшего порядка - таким, как свобода, демократия, право, - которые в сущности представляют долгосрочный и очищенный от наслоений текущей политики всеобщественный интерес. Добиться можно лишь баланса, в котором ценности занимают достойное место. Перестройка не могла учредить царство Божие на Земле. Ее задача объективно заключалась в повышении ценностного компонента в поведении политических акторов и в сознании масс. Но политическая практика должна была учитывать состояние общества, не доросшего до немедленного и безусловного восприятия ценностного потенциала перестройки. Она не могла исключать маневры и компромиссы, в том числе с силами, не разделяющими или не вполне разделяющими представления о ценностях, провозглашенные лидерами перестройки.

Проблемы, возникавшие в ходе перестройки, могли и должны были решаться в сфере реальной политики: постановкой конкретных и достижимых задач, созданием адекватных институтов, формированием политических коалиций и т.д. Продолжение перестройки, реализация заявленных целей, решение задач, содержание которых прояснялось и уточнялось по ходу событий, в решающей степени зависели от соединения сил реформаторов, возглавлявших партийное и государственное руководство, и лидеров демократического движения в его далеко не однородном составе и

довольно-таки несовершенном виде. Первые могли внести в этот союз опыт руководящей деятельности и сохранявшийся пока контроль над органами власти и управления, вторые - просвещение, политическую мобилизацию масс народа и участие в разработке стратегии перемен. Их союз мог обеспечить переходу относительно мягкий характер до того, как по мере политического "взросления" общества сформируются новые движущие силы перемен, способные заместить верхушечную коалицию. Но образованию такого союза препятствовала "недостаточность" обоих его потенциальных участников.

Со стороны Горбачева - чрезмерно широкое видение границ политического консенсуса, к которому он рассчитывал привлечь силы, которые вовсе не разделяли провозглашенные им ценности и не были заинтересованы в продолжении и углублении демократической перестройки. Об известном сдвиге в его ориентации в 1990 г. свидетельствовали некоторые его публичные заявления ("страна правее - должны праветь и мы"), кадровая политика (люди ГКЧП - его назначенцы) и уступки в пользу так называемого "радикально - умеренного" варианта проведения экономической реформы в противовес проекту Явлинского-Шаталина.

Справедливости ради надо отметить, что к этому сдвигу Горбачев был подвигнут выходом на политическую арену российского фактора, в котором он увидел главную угрозу перестройке. В нем действительно содержалась такая тенденция, если одним из главных приоритетов переходного периода числить иллюзорную цель сохранения Союза ССР во что бы то ни стало и в любом виде. Между тем временная консолидация, поддержавших Декларация о суверенитете РСФСР, принятая в июне 1990 г. практически единодушно, была внутренне противоречивым документом и повлекла за собой неоднозначные последствия. На короткое время триумфальное событие это объединило антагонистические силы на СНГ РСФСР. С одной стороны, российских демократов, главной целью которых было освобождение от опеки консервативной союзной номенклатуры и продвижение демократической перестройки. С другой - российских бюрократов и националистов, стремившихся потеснить своих конкурентов, занимавших ключевые позиции в союзном аппарате власти. Ельцин, не без труда завоевавший главный государственный пост в России, опираясь главным образом на поддержку демократов, временно скрепил этот противоестественный союз и заострил

его против Горбачева и его сторонников. Расстановка сил и общая ориентация на российском Съезде - главной политической арене России вскоре подверглись драматическим изменениям, борьба между демократами и коммунистами обострялась. Но противостояние Ельцина и Горбачева стало главной линией размежевания в решающие месяцы 1990-1991 гг. и подрывало перестройку.

Большинство российских демократов, влияние которых в обществе в немалой мере определялось связкой с харизматическим лидером, оказывало довольно-таки безоглядную, без предъявления каких-либо условий поддержку Ельцину, свой основной удар наносившему по горбачевскому руководству. Утверждение российского суверенитета и тем самым - цементирование собственной властной позиции для него становилось не средством, а главенствующей политической целью. Другим серьезным просчетом демократов была концентрация внимания на проведении экономической, а не политической реформы, уверенность в том, что демократия придет за рынком автоматически. В политике же вместо формирования собственной самостоятельной организации и настойчивого, не обещавшего немедленных результатов возвращения структур гражданского общества основной упор был сделан на создание и закрепление института российского президентства, утверждение в нем (и благодаря ему) собственных позиций. Вместо того, чтобы попытаться склеить тандем Горбачева-Ельцина и стать в нем балансирующей и корректирующей силой, они вместе с Ельциным и под его эгидой сработали на ослабление реформаторского крыла в КПСС, на безальтернативность в выборе и проведении реформ российским президентом. И тем самым, подталкивая радикализацию политического процесса, они вносили свой вклад в обострение его конфликтности, а себя обрекли на нисходящую роль в политике. Разъединение сил, заинтересованных в демократических и рыночных преобразованиях, в утверждении европейского выбора России, объективные трудности и субъективные просчеты и ошибки predetermined срыв перестройки, а затем и угасание инициированных ею процессов.

Сегодня на круглом столе и вообще в разворачивающихся ныне дискуссиях все более настойчиво звучит мысль о дефиците культуры, воспрепятствовавшем нашему обществу усвоить ценности, провозглашенные перестройкой: политиками, социально активными слоями и массами. В

общем мысль верна, если только не доводить ее до противопоставления культурного фактора - роли институтов в преобразовании отставших обществ и не пасовать перед теми, кто превращая нужду в добродетель, занимается апологией "особого исторического пути" России. К тому уровню и качеству социальной и политической культуры, какого достигли европейские народы, они шли сотни лет, проходя через Возрождение, Реформацию, Просвещение, буржуазные революции. (К слову, и в XX веке они не были абсолютной гарантией от рецидивов и фашизоидных срывов. Одним из ярких символов такой редукции для меня являются факельные шествия деперсонализированной толпы, запечатленные в фильмах Лени Рифеншталь - с таким человеческим материалом можно делать все, что угодно.) Процесс усвоения высокой культуры массами - долгий. У России такого времени нет. Но это не значит, что путь демократии и продвижения в Европу для нее перекрыт. Упражнения на эту тему и ненаучны, и вредоносны.

Справедливо суждение Дугласа Норта: выбор траектории развития страны определяют институты, а устойчивой ее делает культура. Поэтому, отнюдь не пренебрегая задачами культурной трансформации общества, необходимо отдавать отчет в том, что абсолютно неотложным сейчас, как и во времена перестройки, остается переформатирование политического ландшафта и ускоренное воспроизведение институтов демократического общества. Ситуация, сложившаяся ныне в условиях глубокого отката от идей и практики перестройки, при всех отличиях в главном напоминает ту, что ей непосредственно предшествовала на закате советского строя. Их роднит общий кризис режимов и тупиковый характер избранного пути. Идя по нему, страна все более удаляется от реализации своих подлинных национальных интересов. Поэтому важно уяснить уроки перестройки, возможности которой наше общество в лучшие свои годы в XX веке так бездарно проворонило.

Ныне в российском населении, казалось бы, "все схвачено" возродившимся Левиафаном. Законодательство, которое лихорадочно выпекает наша "бесподобная палата", и "правоприменение" карательных органов постоянно ужесточают механизм выборочно-назидательных репрессий. Вытаптываются неконтролируемые государством проявления общественной инициативы. Общество приведено в коматозное состояние. Оно заражено пандемией истерического псевдопатриотизма. Социально

активные элементы покидают страну. Ситуация выглядит беспросветной и в известной мере является таковой. Но вспомним, как разворачивалась перестройка. Сначала не вполне проясненные сигналы о необходимости перемен поступили из невралгического центра средоточения государственной власти. Предпринятые вслед за тем преобразования сверху, как бы к ним ни относиться, показали, что на этот раз все не сводится, как обычно, к риторике. Тогда в движение стали приходить один за другим расширявшиеся круги общества. Когда отторжение от господствовавшего режима достигло критической массы и органы подавления впали в ступор, движение за перемены стало доминирующим в главных политических и культурных центрах страны. Этого оказалось достаточно для тектонических политических сдвигов.

Но именно тогда наступивший момент истины был упущен. Объясняя это, непродуктивно ссылаться на культурную неадекватность народа, равно как и представлять ее неодолимым барьером на пути возобновления реформационного процесса. Все революции и тем более глубокие реформы совершаются не большинством народа, а его политически активизировавшимся меньшинством. Историческую ответственность за крушение перестройки несет не народ России, а ее политический класс в том объеме, составе и качестве. в каких он предстал на рубеже 1980-90-х годов.

Нынешний захлестнувший страну настрой, как он представлен в социологических опросах, хотя и отвечает некоторым существующим стереотипам массового сознания, в очень значительной мере сформирован целенаправленным воздействием госканалов телевидения, вся мощь которого проявилась только сейчас. Но не связанный с повседневными нуждами людей, в жизни которых политика занимает не столь уж важное место, этот настрой неустойчив, а достигнутый эффект преходящ. На нашей памяти - обвал системы, кичившейся своей прочностью, качания между обожествлением и низвержением кумиров, многоярусные демонстрации сначала под одними, а потом под другими, нередко противоположными лозунгами. Понимание того, что избранный в нулевых и возведенный в степень в 2014-2015 гг. курс – тупиковый и чреват катастрофическими последствиями, все более осознается в социально озабоченной части общества и будет распространяться вширь по мере того, как будут ухудшаться условия, ущемляющие элементарные нужды людей.

Благоприятные для глубоких и необратимых преобразований исторические моменты возникают редко и длятся недолго. Мы не знаем, когда и при каких обстоятельствах они возобновятся, но важно их не пропустить. А пока что российской демократической интеллигенции остается одно - работать на завтрашний или даже послезавтрашний день. История России не кончается на сегодняшнем безвременьи. Если и когда гигантский маятник смены общественных настроений двинется от опьянения крымнашизмом к осознанию, хотя бы смутному, действительных интересов народа, грешно будет снова упустить шанс.

28.05.2015